

25 сентября 2020 года умер Владимир Ибрагимович Эрль — один из значительнейших литераторов Ленинградского андеграунда. Человек, в котором всё было необычным: от псевдонима — отчество и фамилия — до текстов, над которыми вывихнет мозги не одно поколение учёных литературоведов.

Я познакомился с Эрлем где-то в начале 70-х годов в доме Юли Вознесенской, к которой зашёл по какому-то литературному делу. Через некоторое время там появился человек, похожий одновременно на Финна из Пушкинского «Руслана и Людмилы» и лапландского колдуна, если я правильно представляю себе лапландских колдунов: абсолютно белые волосы ниже лопаток и безумный, как мне показалось, взгляд. Почему-то мне запомнилось, что Эрль, а это был он, стоял напротив большого зеркала, и вместе со своим отражением производил впечатление, которое я не могу забыть полвека. Нас представили друг другу, и на этом наша первая встреча закончилась. Потом мы изредка встречались на литературных, как сказали бы сегодня, тусовках, но дружеское сближение шло медленно. Эрль принадлежал к группе «поэтов Малой Садовой», куда кроме него входили Саша Миронов, если не ошибаюсь, Женя Вензель и ещё кто-то, чьих имен я не помню. У меня с ними не было общих интересов, ни творческих, ни иных, и наши встречи, как правило, были случайными. Должен сказать сразу, что, несмотря на многолетнюю дружбу, текстов Эрля, главным образом прозаических, я не понимал, что совершенно не мешало нашему общению. По-настоящему сблизила нас котельная. Уверен, что со временем найдутся учёные, изучающие этот необычный феномен: котельные, ставшие клубами для неофициальной культуры. В котельных работали Олег Охупкин, Александр Миронов, Алексей Шельвах, Юрий Колкер, Елена Пудовкина, Александр Смирнов, Борис Лихтенфельд, Вячеслав Долинин, Борис Дышленко, Борис Останин, Александр Кобак, Владимир Эрль, Евгений Звягин и ещё десятки литераторов, не считая художников и музыкантов. Лучшее об этом разношёрстном обществе сказал своему заместителю начальник треста котельных: «Ты у себя всю ленинградскую контру собрал».

Вместе с Эрлем я работал дольше всех. Мы трудились в котельной на Мойке, которая отапливала Ленинградский телефонный узел, ЛЭИС — институт связи и ещё какие-то дома. Обычно смена Эрля была после моей, он приходил, мы пили чай, разговаривали на разные темы и обязательно разгадывали кроссворды. Иногда на один кроссворд уходило несколько смен, но разгадывали мы их до конца — не исключаю, что своей богатейшей эрудицией я обязан именно этому на-

У входа в ДК им. Кирова, 1984 год. Слева направо: Владимир Эрль, его жена Соня, Владимир Ханан, Сергей Сигей, Игорь Бахтерев и его жена. Фото Виктора Немтинова

шему хобби. В отличие от меня Эрль был киноманом, благодаря ему мы с женой посмотрели немало замечательных фильмов, таких как «Тень война», «Скромное обаяние буржуазии», «Амаркорд» и других. Эрль тогда жил в конце Невского около площади Восстания, так что билеты покупал он, мы с женой появлялись уже к сеансу. Кроме кинофильмов Эрль познакомил меня со стихами уже покойного Леонида Аронсона, с которым дружил много лет, стихами трансфуристов Сергея Сигея и Ры Никоновой, а также с любимыми Борисом Вианом и Алланом Роб-Грийе (с последними двумя — заочно).

Я не уверен, что с Эрлем было легко общаться, хотя лично у меня проблем не возникало никогда. Трудность в общении могла состоять в том, что Эрль был, если можно так выразиться, старомодно принципиальным человеком: невежливо отозвавшийся об уважаемом Эрлем человеке, тем более покойном, моментально и навсегда исключался из числа Володиных знакомых. В известный «Клуб 81» не вступили ни он, ни я, но интересно, как он сформулировал причину нашего невступления: «Не следует ходить в совет нечестивых» — и это не смотря на то, что убеждать нас изменить своё решение старались уважаемые в наших кругах Борис Иванович Иванов и Сергей Стратановский.

С середины мая примерно до середины сентября котельные не функционировали, и нас гоняли на разные малоприятные работы вроде уборки помещений, прополки овощей на с/х участках (каждое солидное учреждение имело такие участки) и ещё что-нибудь в подобном роде. Лето было временем наших отпусков. К тому же, иногда можно было исхитриться и выпросить отпуск за свой счёт. В один из таких случаев я предложил Эрлю совершить путешествие в мою любимую Литву, куда я ездил регулярно с середины 60-х годов. Сначала в Вильнюс, который я любил и знал, кажется, до последнего переулка, а потом в деревеньку Лишкява, затерянную в дзукийских (южная Литва, ягодная и грибная) лесах на живописном берегу Немана. Через несколько дней мы с жёнами были в Вильнюсе. Я с удовольствием, как заправский гид, показывал красоты этого прекрасного города, а об одном месте мне хочется рассказать особо. Однажды мой вильнюсский друг, поэт и переводчик Виталий Асовский, отвёл нас с Эрлем в какое-то НИИ, в котором находился неизвестный даже большинству местных книголюбов филиал магазина Академкнига. И в этом филиале нам открылось без преувеличения фантастическое зрелище: на полках стояли стопками Литпамятники, за которые в Ленинграде огромное количество людей без сожалений отдали бы свою бессмертную душу. И когда мы выходили из этого магазинчика, нагруженные этим богатством, Эрль сказал: «Примерно так я представлял себе рай».

Позже была тихая и уютная Лишкява — в восьми километрах от милого городка Друскининкай, от которого за 40 минут можно было доехать до белорусского Гродно, славного непривычной для России архитектурой и книжными магазинами, где на полках спокойно стояли Кафка, Камю, Мандельштам и другие книжные редкости. В Гродно мы ездили несколько раз, всегда возвращаясь с богатой добычей.

После моего отъезда в Израиль наше общение с Эрлем практически прекратилось. Если не считать двух моих приездов в Ленинград, мы уже не виделись и только изредка переговаривались по телефону и электронной почте. Постепенно это свелось к двум «встречам» в мае — в мой день рождения 9-го и его — 14-го. В последний раз такая «встреча» произошла в этом году.

Я не очень люблю Ахмадуллину, но в моей голове всё чаще звучат строчки «По улице моей который год звучат шаги — мои друзья уходят». И по моей улице уходят коллеги и одноклассники, бывшие соседи и родственники — и всё чаще ровесники. Сейчас все они постепенно обживают своё новое жизненное пространство, куда совсем недавно перешёл мой друг Володя Эрль, оригинальный литератор и замечательный человек. И я надеюсь, что там ему будет не хуже, чем в том маленьком раю институтского филиала вильнюсской Академкниги.